

Лев Николаевич

Толстой

К рабочему народу

(1902 г.)

Государственное издательство

художественной литературы

Москва – 1950

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYY и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYY

Подготовлено на основе электронной копии 35-го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 35-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно.

Л. Н. ТОЛСТОЙ в 1903 г.

К РАБОЧЕМУ НАРОДУ

«Познаете истину, и истина сделает вас свободными».

Ин. VIII, 32.

Жить мне осталось немного и хотелось бы перед смертью сказать вам, рабочему народу, то, что я думал о вашем угнетенном положении и о тех средствах, которыми вы можете освободиться от него.

Может быть, что-нибудь из того, что я думал (а думал я об этом много), и пригодится вам.

Обращаюсь я естественно к русским рабочим, среди которых живу и которых знаю больше, чем рабочих других стран. Но надеюсь, что и рабочим других стран могут быть не бесполезны некоторые из моих мыслей.

То, что вы, рабочие, вынуждены проводить всю жизнь в нужде и тяжелой, ненужной вам работе, тогда как другие люди, ничего не работающие, пользуются всем тем, что вы делаете, что вы рабы этих людей, и что этого не должно быть, это видит всякий, у кого есть глаза и сердце.

Но как сделать, чтобы этого не было?

Самым первым, простым и естественным средством для этого представляется и представлялось с давних времен то, чтобы силою отнять у тех, которые живут вашим трудом, то, чем они незаконно пользуются. Так поступали с самых древних времен рабы в Риме и в средние века крестьяне в Германии и во Франции. Так поступали много раз и в России во времена Стеньки Разина и Пугачева, так поступают и теперь иногда русские рабочие.

Средство это прежде всех других представляется обиженным рабочим, а между тем средство это не только никогда не достигает своей цели, но всегда скорее ухудшает, чем улучшает участь рабочих. Еще можно было встарину, когда власть правительства не была так сильна, как теперь, надеяться на успех таких бунтов, но теперь, когда в руках правительства, стоящего всегда за неработающих, и огромные деньги, и железные дороги, и телеграфы, и полиция, и жандармы, и войско, все такие попытки всегда кончаются, как кончились недавно бунты в Полтавской и Харьковской губерниях, тем, что бунтовщиков казнят, истязают, и власть неработающих над работающими только еще прочнее утверждается.

Пытаясь насилем бороться с насилем, вы, рабочие, делаете то, что делал бы связанный человек, если бы он, чтобы освободиться, тянул бы за связывающие его веревки: он только затягивал бы крепче те узлы, которые держат его. То же и с попытками насилем отнять отнятое хитростью, но удерживаемое насилем.

II

То, что средство бунтов не достигает цели и не улучшает, а скорее ухудшает положение рабочих, стало теперь уже очевидно. И потому в последнее время людьми, желающими или, по крайней мере, говорящими, что они желают добра рабочему народу, придумано для освобождения рабочих новое средство. Новое средство это основано на учении о том, что все рабочие после того, как они лишатся той земли, которую прежде владели, и станут все наемными рабочими на фабриках (что по этому учению должно так же неизбежно совершиться, как в определенный час восход солнца), они, устраивая союзы, товарищества, демонстрации и выбирая своих сторонников в парламенты, всё будут улучшать и улучшать свое положение и под конец даже присвоят себе все заводы, фабрики, вообще все орудия труда, в том числе и землю, и тогда уже будут совершенно свободны и благополучны. Несмотря на то, что

учение, которое предлагает это средство, исполнено неясностей, произвольных положений и противоречий и просто глупостей, оно в последнее время всё более и более распространяется.

Учение это принимается не только в тех странах, где большинство населения уже за несколько поколений отстало от земледельческого труда, но и там, где большинство рабочих еще и не думало покидать земли.

Казалось бы, что учение, требующее прежде всего перехода сельского рабочего от привычных, здоровых и веселых условий разнообразного земледельческого труда к нездоровым, унылым и губительным условиям однообразной, одуряющей фабричной работы и от той независимости, которую чувствует сельский рабочий, удовлетворяя своим трудом почти всем своим потребностям, к полной рабской зависимости от своего хозяина фабричного рабочего, казалось бы, что учение это не должно бы иметь в странах, где рабочие живут еще на земле земледельческим трудом, никакого успеха. Но проповедь этого модного, называемого социализмом учения даже и в таких странах, как Россия, где 98% рабочего населения живет земледельческим трудом, охотно принимается теми 2-мя % рабочих, которые отстали или отстают от земледельческого труда.

Происходит это от того, что, покидая земельный труд, рабочий невольно поддается тем соблазнам, которые связаны с фабричной и городской жизнью. Оправдание же этих соблазнов дает ему только социалистическое учение, считающее увеличение потребностей признаком совершенствования человека.

Такие рабочие, нахватавшись отрывков социалистического учения, с особенным усердием проповедуют его своим братьям, считая себя, вследствие такой проповеди и вследствие тех новых потребностей, которые они усвоили, передовыми людьми, стоящими несравненно выше грубого мужика, сельского рабочего. К счастью, таких рабочих в России еще очень мало: огромное же большинство русских рабочих, состоящее из земледельцев, никогда и не слышали про социалистическое учение; если же и слышит про него, то принимает такое учение, как нечто совершенно чуждое ему и не касающееся его истинных нужд.

Все те социалистические приемы союзов, демонстраций, выборов своих сторонников в парламенты, посредством которых фабричные рабочие стараются облегчить свое рабское положение, не представляют никакого интереса для свободных сельских рабочих.

Если что и нужно сельским рабочим, то это никак не возвышение платы, не уменьшение часов работы, не общие кассы и т. п., а нужно только одно: земля, которой у него везде слишком мало, чтобы он мог кормиться на ней с своей семьей. А об этом единственно нужном для сельских рабочих деле ничего не говорится в социалистическом учении.

То, что земля, свободная земля, есть то единственное средство улучшения своего положения и освобождения себя от рабства, это понимают все умные русские рабочие люди.

Вот что пишет об этом русский крестьянин штундист своему знакомому: «Если затевать революцию, – пишет он, – а земля останется частной собственностью, тогда, конечно, не стоит и затевать ее. Вот наши братья живут за границей в Румынии и рассказывают, что там есть конституция, есть парламент, но земля почти вся находится в руках помещиков, и какая же польза народу от этого парламента? В парламенте, рассказывают они, только и происходит борьба одной партии против другой, но народ ужасно поработан и прикреплен к помещикам. Помещики на своих землях имеют хутора, т. е. хаты. Землю обыкновенно отдают из половины мужикам и обыкновенно отдают только на один год. Если мужик хорошо обработал землю, тогда на второй год он эту землю засекает, а мужику дает в другом месте. Эти бедняки проживут несколько лет у одного помещика – остаются ему же еще должны. Правительство последнее отнимает у него за подати: лошадь, корову, повозку, плуг, одежду, постель, посуду, – всё продает за бесценок. Тогда бедняк забирает голодное свое семейство и идет к другому помещику, который ему кажется добрей. Тот дает ему быков, плуг, семена и проч. Но, проживя несколько времени, и здесь такая же история повторяется. Тогда идет к прежнему помещику и т. д. Затем помещики, которые сами сеют, во время жатвы нанимают рабочих, но у них порядок платы по окончании уборки, и очень редкий из помещиков уплачивает рабочим, а большинство, если не всё, так половину заработка не заплатит! И суда никакого нет! Вот вам и конституция! Вот вам и парламент!! Земля – это первое необходимое условие, которого народ должен добиваться! Фабрики и заводы, мне кажется, сами отойдут к рабочим: когда крестьяне получают землю, они будут на ней работать и свободно жить от этого труда. Тогда многие откажутся работать на фабриках и заводах, следовательно рабочим конкуренции будет меньше. Тогда заработная плата повысится, и они будут в состоянии образовывать свои кружки, кассы и прочее и могут сами конкурировать с хозяевами, тогда последним не будет расчета иметь фабрики, и они будут входить в соглашение с рабочими. Земля главный предмет борьбы! Это нужно и рабочим объяснить. Если они и добьются повышения заработной платы, то это будет временно, пока успокоятся умы. А потом опять условия жизни изменятся, если вместо одного недовольного ожидают занять его место десять человек, – тогда как могут требовать повышения платы?»

Если и не вполне справедливы сведения, сообщаемые в письме о порядках в Румынии, и если в других странах нет таких притеснений, сущность дела, состоящая в том, что первое условие улучшения положения рабочих есть свободная земля, выражена в этом письме необыкновенно ясно.

IV

«Земля есть главный предмет борьбы!» пишет этот неученый крестьянин. Ученые же социалисты говорят, что главный предмет борьбы это заводы, фабрики, а потом уже земля. Рабочим для того, чтобы по учению социалистов получить землю, нужно прежде бороться с капиталистами из-за обладания заводами и фабриками, и только когда они овладеют заводами и фабриками, они овладеют и землей. Людям нужна земля, а им говорят, что для приобретения ее им нужно прежде всего бросить ее и потом уже сложным процессом, предсказанным социалистическими пророками, вновь приобрести ее вместе с другими ненужными им заводами и фабриками. Такое требование приобрести ненужные земледельцу фабрики и заводы для того, чтобы приобрести нужную ему землю, напоминает приемы, употребляемые некоторыми ростовщиками. Вы просите у такого ростовщика тысячу рублей денег – вам нужны только деньги, но ростовщик говорит вам: «Я не могу вам дать только тысячу рублей, а возьмите у меня 5 тысяч, из которых 4 тысячи будут в виде нескольких сот пудов мыла, нескольких кусков шелковой материи и т. п. ненужных вам вещей, тогда только я могу вам дать и нужную вам тысячу рублей деньгами».

Так и социалисты, решив совершенно неправильно, что земля есть такое же орудие труда, как завод или фабрика, они рабочим, которые страдают только от недостатка земли, предлагают, отстав от земли, заняться овладением фабрик, производящих пушки, ружья, духи, мыло, зеркала, ленты и всякие предметы роскоши, а потом уже, когда эти рабочие выучатся хорошо и быстро работать зеркала, ленты, но сделаются неспособными работать на земле, завладеть и землей.

V

Как ни странно видеть рабочего, бросившего жизнь в деревне среди простора полей, лугов, через десяток лет, а иногда и через несколько поколений радующегося, когда он получает от своего хозяина домик в зараженном воздухе с трехсаженным палисадником, в котором можно посадить десяток огурцов и два подсолнуха, радость эта понятна.

Возможность жить на земле, кормиться с нее своим трудом, как всегда была, так и останется всегда одним из главных условий счастливой и независимой жизни людской. Это знали и знают всегда все люди, и потому всегда все люди стремились и теперь не перестают стремиться и всегда будут стремиться, как рыба к воде, хотя бы к подобию такой жизни.

Социалистическое же учение говорит, что для счастья людей им нужна не такая жизнь среди растений и животных, с возможностью земледельческим трудом удовлетворения самому почти всем своим

насушным потребностям, а жизнь в промышленных центрах с зараженным воздухом, но с всё увеличивающимися и увеличивающимися потребностями, удовлетворение которых достижимо только через бессмысленный труд на фабриках. И запутавшиеся в соблазнах фабричной жизни рабочие верят этому и все силы свои употребляют на жалкую борьбу с капиталистами из-за часов работы и грошей прибавки, воображая, что они делают очень важное дело, тогда как единственное важное дело, на которое оторванные от земли рабочие должны бы употребить все свои силы, в том, чтобы найти средство возвращения к жизни среди природы и к земледельческому труду. Но, говорят социалисты, если бы и было справедливо, что жизнь среди природы лучше жизни на фабрике, теперь стало так много фабричных рабочих и так давно уже эти люди бросили земледельческую жизнь, что возвращение их к жизни на земле уже невозможно. Невозможно потому, что такой переход только уменьшит без всякой надобности количество произведений фабричной промышленности, составляющей богатство страны. Кроме того, если бы этого и не было, свободной земли неостанет для поселения и прокормления всех фабричных рабочих.

То, что переход фабричных на землю уменьшил бы богатство людей, несправедливо, потому что жизнь на земле не исключает возможности рабочим участвовать частью своего времени и в фабричном труде дома или даже на фабриках. Если же вследствие этого уменьшится производство бесполезных и вредных предметов, с большой быстротой изготавливаемых теперь на больших заводах, и прекратится обычное теперь перепроизводство нужных предметов, а увеличится количество зерна, овощей, плодов, домашних животных, то это никак не уменьшит богатства людей, а только увеличит его.

Тот же довод, что неостанет земли для поселения и прокормления всех фабричных рабочих, несправедлив потому, что в большинстве государств, не говоря о России, где земель, удерживаемых крупными землевладельцами, достанет для всех фабричных рабочих и России и всей Европы, но даже и в таких странах, как Англия и Бельгия, земель, принадлежащих крупным землевладельцам, достанет для прокормления всех фабричных рабочих, если только обработка этой земли будет доведена до того совершенства, до которого она может достигнуть при теперешних успехах техники или хоть только до той степени совершенства, до которой она доведена уже тысячи лет тому назад в Китае.

Пусть те, которых интересует этот вопрос, прочтут книги Кропоткина «La conquête du pain»

[1] и «Fields, Factories and Workshops» («Поля, фабрики и мастерские») и очень хорошую книжку издания «Посредника» «Хлебный огород» Попова, и они увидят, во сколько раз еще может увеличиться при хорошей обработке производительность земледелия, и во сколько раз большее против теперешнего количество людей может кормиться с того же количества земли. А усовершенствованные способы обработки

непременно будут вводиться мелкими землевладельцами, если они только не будут вынуждены, как теперь, отдавать все свои доходы крупным землевладельцам, у которых они нанимают земли и которым нет никакой надобности в увеличении производительности земли, с которой они без всякой заботы о ней получают большие доходы.

Говорят: не останется свободной земли для всех рабочих, и потому не стоит заботиться о том, чтобы рабочие могли занять удерживаемую от них землевладельцами землю.

Рассуждение это подобно тому, которое бы сделал владелец дома о толпе людей, в бурю и холод стоящих у дверей незанятого дома и просящих себе в нем приюта: «Не следует пускать этих людей в дом, потому что едва ли они все поместятся в нем». Пустите тех, которые просятся, а потом видно будет по тому, как они разместятся, все ли они поместятся или только часть их. Если же и не все поместятся, то почему же не пускать тех, которые могут поместиться?

Точно то же и с землей. Предоставьте удерживаемую от рабочих землю тем, которые просятся на нее, а потом видно будет, достаточно ли или недостаточно этой земли.

Кроме того, довод о недостатке земли для рабочих, занятых теперь на фабриках, несправедлив по существу. Если фабричный народ кормится теперь покупным хлебом, то нет никаких причин, почему бы ему, вместо того, чтобы покупать этот хлеб, производимый другими, самому не работать ту землю, с которой производится хлеб, которым он кормится, где бы ни была эта земля: в Индии, Аргентине, Австралии или Сибири.

Так что все доводы о том, почему фабричным рабочим не следует и нельзя переходить на землю, не имеют никакого основания, а, напротив, ясно, что такой переход не только не мог бы быть вреден для общего благосостояния, а только увеличил бы его и несомненно уничтожил бы те хронические голода в Индии, России и других местах, которые очевиднее всего другого показывают неправильность теперешнего распределения земли.

Правда, что там, где особенно развита фабричная промышленность, как в Англии, Бельгии, некоторых штатах Америки, жизнь рабочих людей до такой степени извратилась, что возвращение их на землю представляется очень трудным. Но трудность такого возвращения рабочих к земледельческой жизни никак не исключает возможности осуществления такого перехода. Для того же, чтобы он совершился, нужно прежде всего, чтобы рабочие люди понимали, что этот переход необходим для их блага, и изыскивали средства его осуществления, а не принимали, как теперь учит их социалистическое учение, своего фабричного рабства за вечное, неизменное свое состояние, которое может быть облегчено, но никак не уничтожено.

Так что и рабочим, оставившим уже землю и живущим фабричным трудом, нужны не союзы, товарищества, стачки, ребяческие прогулки с флагами 1-го мая и т. п., а только одно: изыскание средств освобождения от фабричного рабства и поселения на земле, главным препятствием которому служит захват земли не работающими на ней собственниками.

Этого они должны просить, требовать от своих правительств. И, требуя этого, они будут требовать не чего-нибудь чужого, не принадлежащего им, но возвращения самого несомненного и неотъемлемого своего права, присущего каждому животному – жить на земле и кормиться с нее, не испрашивая на это разрешения у других людей. Из-за этого должны бороться в парламентах депутаты рабочих, это должна проповедывать пресса, стоящая на стороне рабочих, к этому должны готовиться сами фабричные рабочие.

Так это для рабочих, оставивших землю. Для рабочих же, каково большинство русских рабочих, которые еще 98% живут на земле, вопрос только в том, как им, не покидая земли и не поддаваясь соблазнам фабричной жизни, которые манят их, улучшить свое положение.

Для этого же нужно одно: предоставление рабочим той земли, которая захвачена теперь крупными землевладельцами.

Поговорите в России с первым встречным крестьянином, рабочим в городе, о том, почему ему нехорошо живется, и все ответят только одно: земли нет, не к чему рук приложить. И тут-то у нас в России, где стоит неумолкаемый стон всего народа о недостатке земли, люди, думающие служить народу, проповедуют ему не средства возвращения отнятой земли, а приемы борьбы на фабриках с капиталистами.

«Но неужели всем людям надо жить по деревням и заниматься земледелием?» скажут люди, до такой степени привыкшие к неестественной жизни теперешних людей, что им представляется это чем-то странным и невозможным. Но отчего же всем людям не жить по деревням и не заниматься земледелием? Если же найдутся такие люди с такими странными вкусами, что предпочтут деревенской жизни фабричное рабство, ничто в этом не помешает им. Дело только в том, чтобы каждый человек имел возможность жить по-человечески. Когда мы говорим, что желательно, чтобы каждый человек мог иметь семью, мы не говорим, что каждый должен жениться и иметь детей, а только то, что дурно такое устройство общества, при котором человек не имеет этой возможности.

VI

Еще во времена крепостного права крестьяне говорили своим господам: «мы ваши, а земля наша», т. е. они признавали, что как ни незаконно и жестоко владение одним человеком другим, право владения землею не работающим на ней человеком еще более незаконно и жестоко. Правда, в последнее время начинают некоторые из русских крестьян, подражая помещикам, покупать землю, торговать ею, считая владение ею законным, не боясь уже того, что ее отнимут у них. Но поступают так только немногие, легкомысленные и ослепленные корыстью люди. Большинство же, все настоящие русские земледельцы твердо верят в то, что земля не может и не должна быть собственностью не работающих на

ней, и что если земля теперь и отнята от работающих не работающими, то придет время, и она отнимется от тех, кто теперь ею владеет, и станет, как она и должна быть, общим достоянием. И в том, что это так будет и будет очень скоро, русские крестьяне совершенно правы. Пришло время, когда несправедливость, неразумность и жестокость владения землею не работающими на ней стали так же очевидны, как 50 лет тому назад были очевидны несправедливость, неразумность и жестокость владения крепостными. Оттого ли, что уничтожились другие способы угнетения, или оттого, что люди стали просвещеннее, все уже теперь (как владеющие землею, так и лишенные ее) ясно видят то, чего не видели прежде, что если у крестьянина, всю жизнь работавшего и работающего, нет достаточно хлеба, потому что не на чем посеять его, нет молока детям и старым, потому что нет пастбища, нет своего прута леса, чтобы починить гнилую избу и протопить ее, а рядом с ним не работающий помещик, живя в своей огромной усадьбе, кормит щенят молоком, строит беседки и конюшни с зеркальными

стеклами, на десятках тысяч десятин земли разводит овец, леса, парки, проживает и проедает в неделю то, что прокормило бы целый год соседнюю голодающую деревню, то, что такое устройство жизни не должно быть. Несправедливость, неразумность и жестокость такого положения вещей бросается теперь в глаза всякому, как прежде бросались в глаза несправедливость, неразумность и жестокость крепостного права. А как скоро людям становятся ясны несправедливость, неразумность и жестокость какого-либо своего устройства, устройство это так или иначе неизбежно кончается. Так кончилось крепостное право, так же должна кончиться и очень скоро земельная собственность.

VII

Земельная собственность неизбежно должна уничтожиться, потому что несправедливость, неразумность и жестокость этого учреждения стали слишком очевидны. Вопрос только в том, как она уничтожится? Крепостное право и рабство не только в России, но и во всех странах было уничтожено распоряжениями правительств. И казалось бы, таким же распоряжением могла бы быть уничтожена и земельная собственность. Но едва ли такое распоряжение может быть и будет когда-либо сделано правительствами.

Все правительства состоят из людей, живущих чужими трудами. Земельная же собственность дает более, чем что-либо другое, возможность такой жизни. Мало того, что правители и большие землевладельцы не допустят уничтожения земельной собственности, а люди, непричастные ни к правительству, ни к землевладению, чиновники, художники, ученые, торговцы, служащие у богатых людей, инстинктивно чувствуя, что с земельной собственностью связано их выгодное положение, всегда или защищают земельную собственность, или, нападая на всё другое менее важное, никогда не затрагивают

вопроса о земельной собственности.

Поразительной иллюстрацией такого отношения людей богатых сословий может служить изменение, происшедшее во взглядах знаменитого Герберта Спенсера на земельную собственность. Пока Герберт Спенсер был начинающим, не имеющим связей среди богачей и правителей молодым человеком, он отнесся к вопросу о земельной собственности так, как не может не отнестись к этому вопросу всякий человек, не связанный никакими предвзятыми мыслями: он самым радикальным образом отрицал ее, доказывая ее несправедливость. Но прошли десятки лет, Герберт Спенсер стал из неизвестного молодого человека знаменитым писателем, установившим связи с правителями и большими землевладельцами, и он до такой степени изменил свои взгляды на земельную собственность, что старался уничтожить все те издания, в которых он так сильно высказал справедливые мысли о незаконности земельной собственности.

Так что большинство достаточных людей если не сознательно, то инстинктивно чувствуют, что их выгодное положение держится земельной собственностью. От этого-то и происходит то, что парламенты в своих мнимых заботах о благе народа предлагают, обсуждают и принимают самые разнообразные меры, долженствующие улучшить положение народа, но только не ту, которая одна действительно улучшает положение народа и нужна ему: уничтожение земельной собственности.

Так что для разрешения вопроса о земельной собственности нужно еще прежде всего разбить установившееся относительно этого вопроса сознательно согласное замалчивание. Так это в тех странах, где часть власти в парламентах. В России же, где вся власть в руках царя, распоряжение об уничтожении земельной собственности еще менее возможно. В России власть ведь только номинально находится в руках царя, в действительности же она в руках сотен случайных людей, родственников и приближенных царя, заставляющих его делать всё, что им угодно. Все же эти люди владеют огромными количествами земель, и потому они никогда не допустят царя, если бы он даже и хотел этого, освободить землю от власти помещиков. Как ни трудно было царю, освободившему крестьян, заставить своих приближенных отказаться от крепостного права, он мог сделать это, потому что приближенные удерживали землю. Отказавшись же от земли, приближенные и родственники царя знают, что лишаются последней возможности жить так, как они привыкли.

Так что ожидать освобождения земли от правительств вообще и в России от царя совершенно невозможно.

Отнять насильем удерживаемую помещиками землю невозможно потому, что сила всегда была и будет на стороне тех, которые уже забрали власть. Дождаться того, чтобы освобождение земли совершилось по способу, предлагаемому социалистами, т. е. быть готовыми променять условия хорошей жизни на самые дурные в ожидании журавля в небе, совершенно бессмысленно.

Всякий разумный человек видит, что этот способ не только не освобождает, но всё более и более делает рабочих рабами хозяев, в будущем же готовит их к рабству по отношению тех распорядителей,

которые будут заведывать новым устройством. Ожидать уничтожения земельной собственности от представительного правительства или, как этого ждут уже второе царствование русские крестьяне, от царя еще более бессмысленно, потому что все приближенные царя и сам царь владеют огромными землями и, хотя притворяются, что очень озабочены благом крестьян, никогда не дадут им того одного, что им нужно, земли, потому что знают, что без владения землею лишаются своего выгодного положения людей праздных, пользующихся трудами народа.

Что же делать рабочим для того, чтобы освободить себя от того угнетения, в котором они находятся?

VIII

Сначала кажется, что делать нечего и что рабочие так связаны, что им нет никакой возможности освобождения. Но это только так кажется. Стоит только рабочим вдуматься в причины своего порабощения, и они увидят, что, помимо бунтов, помимо социализма и помимо тщетных надежд на правительства, в России на царя, у них есть средство освобождения такое, которому никто и ничто помешать не может и которое всегда находилось и теперь находится в их руках.

В самом деле: причина бедственного положения рабочих ведь только одна та, что помещики владеют землями, нужными рабочим. Но что же дает возможность помещикам владеть этими землями?

Во-первых, то, что в случае попыток рабочих воспользоваться этими землями высылаются войска, которые прогоняют, бьют, убивают захвативших земли рабочих и возвращают ее землевладельцам. Войска же эти составлены из вас же, рабочих. Так что сами вы, рабочие, поступая в солдаты и повинаясь военному начальству, даете возможность помещикам владеть их землями, которые должны принадлежать всем. (О том, что христианин не может быть солдатом, т. е. обещаться убивать себе подобных, и должен отказываться от употребления оружия, я писал много раз и между прочим и в книжечке Солдатская памятка, где я старался показать из Евангелия, почему всякий христианин должен это сделать.)

Но кроме того, что вы своим участием в войсках даете помещикам возможность владеть землями, которые принадлежат всем людям, следовательно и вам, вы даете эту возможность еще и тем, что работаете на помещичьих землях и нанимаете их. Стоит только вам, рабочим, перестать делать это, и владение землею делается для помещиков не только бесполезным, но и невозможным, и земли их сделаются общею собственностью. Как бы ни старались помещики заменить рабочих машинами и вместо хлебопашества заводить скотоводство и леса, им все-таки нельзя обойтись без рабочих, и они, одни за другими, волей-неволей откажутся от своих земель.

Так что средство освобождения вас, рабочих, от вашего порабощения состоит только в том, чтобы, поняв, что владение землею есть преступление, не участвовать в нем ни в виде солдат, отнимающих землю у работающих, ни в виде работников на помещичьих землях, ни в виде ее наемщиков.

IX

«Но ведь средство неучастия как в войсках, так и в работе на помещичьих землях и в найме их было бы действительно, — скажут на это, — только в том случае, если бы рабочие всего мира сделали стачку не участвовать в войсках, не работать на помещичьих землях и не нанимать их, а этого нет и не может быть. Если часть рабочих и согласится воздерживаться от участия в войсках и от работ на помещичьих землях и найма их, то остальные рабочие, иногда рабочие других народностей, не будут находить нужным такое воздержание, и владение помещиками их землями не будет нарушено. Так что рабочие, которые откажутся от участия во владении землею, только напрасно лишатся своих выгод, не облегчив положения всех». Возражение это совершенно справедливо, если бы дело шло о стачке.

Но ведь то, что я предлагаю, не есть стачка. Я предлагаю не стачку, а то, чтобы рабочие отказались от участия в войсках, производящих насилие над их братьями, и от работ на землях помещиков и найма их не потому, что это для рабочих невыгодно и производит их порабощение, а потому, что участие это есть дурное дело, от которого должен воздерживаться всякий человек так же, как должен воздерживаться не только от самого убийства, воровства, грабежа и т. п., но и от участия в этих делах. В том же, что участие в беззаконии земельной собственности и поддержание ее есть дело дурное, не может быть никакого сомнения, если только рабочие вдумаются во всё значение такого своего участия в земельной собственности работающих. Ведь поддерживать земельную собственность помещиков, значит быть причиной лишений и страданий тысяч народа и недостаточно питающихся, и через силу работающих, и преждевременно умирающих стариков и детей, только оттого, что не дают земли, захваченной помещиками. А если таковы последствия владения землею помещиков, а что они таковы, это ясно всякому, то ясно и то, что участие во владении землею помещиков и поддержание его есть дурное дело, от которого должен воздерживаться всякий человек. Сотни миллионов людей без всякой стачки считают дурным делом ростовщичество, распутство, насилие над слабыми, воровство, убийство и многое другое и воздерживаются от этих дел. То же самое должны бы рабочие люди делать по отношению земельной собственности. Они сами же видят всё беззаконие такой собственности и считают его скверным, жестоким делом. Так зачем же они не только принимают участие в нем, но поддерживают его?

Х

Так что я предлагаю не стачку, а ясное сознание преступности, греха участия в земельной собственности и вследствие этого сознания воздержание от такого участия. Правда, что такое воздержание не соединяет, как стачка, сразу всех заинтересованных людей в одном решении и не может поэтому дать тех определенных вперед результатов, которые дает стачка, если она успешна, но зато такое воздержание производит единение, гораздо более прочное и продолжительное, чем то, которое производит стачка. Искусственное единение людей, возникающее при стачке, тотчас же, как скоро достигнута цель стачки, прекращается, единение же при однообразной деятельности или воздержание вследствие одинакового сознания не только никогда не прекращается, но постоянно всё более и более крепнет, привлекая к себе всё большее и большее количество людей. Так это и может и должно быть при воздержании рабочих от участия в земельной собственности не вследствие стачки, а вследствие сознания греха такого участия. Весьма вероятно, что, когда рабочие и поймут беззаконие участия в помещичьем землевладении, они не все, но только малая часть их будет воздерживаться от работ на помещичьих землях и найма их; но так как они будут воздерживаться не вследствие уговора, имеющего местное и временное значение, а вследствие сознания должного и не должного одинаково обязательного всегда и для всех людей, то естественно будет то, что число рабочих, которым будет указано и словом, и примером, как самое беззаконие земельной собственности, так и те последствия, которые происходят от этого беззакония, будет постоянно увеличиваться.

Никак нельзя предвидеть, какое именно произведет изменение в устройстве общества сознание рабочими того, что участие в земельной собственности есть дурное дело, но несомненно, что изменения эти произойдут тем более значительные, чем больше будет распространено это сознание. Изменения эти могут состоять в том, что, хотя часть рабочих откажется от работ у помещиков и найма их земель, и землевладельцы, не находя более выгод во владении землями, будут или входить с рабочими в выгодные для них сделки, или вовсе отказываться от земельной собственности. Может быть и то, что рабочие, зачисленные в войско, поняв беззаконие земельной собственности, всё чаще и чаще будут отказываться от насилия над своими братьями сельскими рабочими, и правительство будет вынуждено прекратить защиту помещичьей земельной собственности, и земля помещиков станет свободною. Может быть, наконец, и то, что правительство, поняв неизбежность освобождения земли, найдет нужным предупредить победу рабочих, придав ей вид своего распоряжения, и законом уничтожит земельную собственность.

Изменения, которые могут и должны произойти во владении землею вследствие сознания рабочих беззакония участия в земельной собственности, могут быть очень разнообразны, и трудно предвидеть, какие именно они будут, но одно несомненно, что ни одно искреннее

усилие человека поступить в этом деле по-божьи или по совести не пропадет даром.

«Что я сделаю один против всех?» – часто говорят люди, когда им предстоит поступок, не одобряемый большинством. Этим людям кажется, что для успешности дела нужно быть всем или, по крайней мере, многим, но многим нужно быть только для дурного дела. Для хорошего же дела достаточно быть одному, потому что Бог всегда с тем, кто делает хорошее дело. А с кем Бог, с тем рано или поздно будут и все люди.

Во всяком случае все улучшения в положении рабочих произойдут только оттого, что они сами будут поступать более согласно с волей Бога, более по совести, т. е. более нравственно, чем они поступали прежде.

XI

Пытались рабочие освободиться насильями, бунтами, и они не достигли цели. Пытались и пытаются они освободиться социалистическими приемами посредством союзов, стачек, демонстраций, выборов в парламенты, и всё это в лучшем случае только на время облегчает каторжный труд рабов, но не только не освобождает их, а только закрепляет рабство.

Пытались и пытаются рабочие освободиться каждый отдельно тем, что поддерживают беззаконие земельной собственности, которое сами же они осуждают, и если положение некоторых – и то не всегда и не надолго – и улучшается от такого участия в дурном деле, положение всех от этого только ухудшается. Происходит это оттого, что прочно улучшает положение людей (не одного человека, а общества людей) только деятельность справедливая, согласная с правилом о том, чтобы поступать с другими так же, как ты хочешь, чтобы поступали с тобою. Все же те три средства, которые употреблялись до сих пор рабочими, были несправедливы и несогласны с правилом о делании другим того, что хочешь, чтобы тебе делали.

Средство бунтов, т. е. употребление насилия против людей, которые считают полученные ими по наследству или вследствие покупки на свои сбережения земли своею собственностью, не согласно с правилом о том, чтобы делать другому то, что хочешь, чтобы тебе делали, потому что ни один из людей, участвующих в бунтах, не желал бы, чтобы у него отняли то, что он считает своим, тем более, что такое отнятие сопровождается обыкновенно самыми жестокими насильями.

Не менее несогласна с правилом о делании другим того, что хочешь, чтобы тебе делали, и вся социалистическая деятельность. Она несогласна с этим правилом, во-первых, потому, что, ставя в свою основу классовую борьбу, вызывает в рабочих к хозяевам и вообще к нерабочим такие враждебные чувства, которые со стороны хозяев никак

не могут быть желательны для рабочих. Несогласна с этим правилом еще и потому, что при стачках рабочие очень часто для успеха своего дела бывают приведены к необходимости употреблять насилие против тех рабочих своих или чужих народностей, которые хотят заступить их место.

Точно так же не только несогласно с правилом о делании другому того, что ты хочешь, чтобы тебе делали, но прямо безнравственно то учение, которое обещает рабочим переход всех орудий труда – фабрик и заводов в их полную собственность. Всякая фабрика есть произведение труда многих рабочих, не только современных, тех, которые устраивали фабрику и подготавливали матерьялы для ее постройки и питали людей во время этой постройки, но и бесчисленного количества как умственных, так и физических рабочих прежних поколений, без труда которых не могла бы существовать никакая фабрика. Учесть участие всех людей в устройстве фабрики нет никакой возможности, и потому по учению самих же социалистов всякая фабрика есть, как и земля, общее достояние всего народа, с тою только разницею, что земельная собственность может быть уничтожена тотчас же, не дожидаясь обобществления всех орудий труда. Фабрика же может сделаться законным достоянием всего народа только тогда, когда совершится неосуществимая фантазия социалистов: обобществление всех, буквально всех орудий труда, а не тогда, как это предполагается большинством рабочих социалистов, когда они отнимут фабрики от их хозяев и присвоят их себе. Хозяин не имеет никакого права владеть фабрикой, но так же мало права имеют и рабочие на какую бы то ни было фабрику до тех пор, пока не осуществилась фантазия обобществления всех орудий труда.

Поэтому–то я и говорю, что учение, обещающее рабочим завладение теми фабриками, на которых они работают, до обобществления всех орудий труда, как это обыкновенно предполагается, есть учение не только противное золотому правилу делать другому то, что хочешь, чтобы тебе делали, но прямо безнравственное.

Точно так же несогласно с правилом о делании другим того, что ты хочешь, чтобы тебе делали, поддержание рабочими земельной собственности посредством ли насилия в виде солдат или в виде работников или наемщиков земли. Несогласно такое поддержание земельной собственности потому, что, если такие поступки и улучшают временно положение тех лиц, которые совершают их, они наверное ухудшают положение других рабочих.

Так что все средства, употреблявшиеся до сих пор рабочими для своего освобождения, как прямое насилие и социалистическая деятельность, так и поступки отдельных лиц, для своей выгоды поддерживающих беззаконие землевладения, не достигали цели, потому что все были несогласны с основным правилом нравственности: делать другому то, что хочешь, чтобы тебе делали.

Освобождает же рабочих от их рабства даже не деятельность, а одно воздержание от греха только потому, что такое воздержание справедливо и нравственно, т. е. согласно с волею Бога.

«Но нужда, – скажут на это. – Как бы ни был убежден человек в беззаконии земельной собственности, трудно ему удержаться от того, чтобы не пойти, будучи солдатом, туда, куда его посылают, и не работать на помещика, если эта работа может дать молоко его голодным детям. Или как воздержаться крестьянину от найма помещичьей земли, когда у него полдесятины на душу, и он знает, что ему с своей семьей не прокормиться той землей, которой он владеет?» Правда, что очень трудно и то, и другое, и третье, но ведь такая же трудность во всяком воздержании от дурного дела. А между тем люди большею частью воздерживаются от дурных дел. Здесь же воздержание менее трудно, чем в большей части дурных дел, вред же от дурного дела, участия в земельном захвате, более очевиден, чем во многих дурных делах, от которых воздерживаются люди. Я не говорю про отказ от участия в войсках, когда войска посылаются против крестьян. Правда, что для такого отказа нужна особенная смелость и готовность жертвы собой, и потому не всякий может сделать это, но зато и случаи, где нужно применять этот отказ, встречаются редко. Но для того, чтобы не работать на помещичьих землях и не нанимать их, нужно гораздо менее усилий и жертв. Если бы только все рабочие вполне понимали, что работа на помещиков и наем их земель есть дурное дело, то людей, работающих на землях помещиков и нанимающих земли, становилось бы всё меньше и меньше. Живут же миллионы людей, не нуждаясь в помещичьих землях, занимаясь ремесленной работой дома или даже вдали от дома самыми разнообразными отхожими промыслами. Не нуждаются в землях помещиков и те сотни тысяч и миллионы крестьян, которые, несмотря на всю трудность такого дела, снимаются с старых мест и идут на новые места, где получают достаточную землю, на которой большей частью не только не бедствуют, но богатеют, скоро забывая о той нужде, которая выгнала их. Живут также без работы на помещиков и найма их земель и те крестьяне, хорошие хозяева, которые, пользуясь хотя и малой землей, но живя воздержно и хорошо обрабатывая свою землю, не нуждаются в работе на помещиков и найме их земель. Живут еще тысячи людей, не нуждающихся в работе на помещичьих землях и в найме их, люди, живущие христианской жизнью, т. е. живя не каждый для себя, а помогая друг другу, как живут в России многие христианские общины, из которых особенно известны мне духоборы.

Нужда ведь может быть только в обществе людей, живущих по животному закону борьбы друг с другом. Среди христианских же обществ не должно быть нужды. Как только люди делятся между собою тем, что имеют, так всегда всем достает всё, что нужно, и остается еще многое. Когда народ, слушавший проповедь Христа, взалкал, Христос, узнав, что у некоторых есть запасы, велел всем сесть в круг и имеющим запасы отдавать соседям в одну сторону с тем, чтобы соседи, утолив голод, передавали бы оставшееся дальше. И когда круг был обойден, все насытились и собрали еще много остатков.

Так и в обществе людей, поступающих так же, не бывает нужды, и такие люди не нуждаются в работе на помещиков и в найме их земель. Так что нужда не всегда может быть достаточной причиной для того, чтобы люди делали то, что вредно их братьям.

Если рабочие люди теперь идут к помещикам на работы и нанимают их землю, то только потому, что еще не все понимают ни греха таких поступков, ни всего зла, которое они делают этим своим братьям и самим себе. Чем больше будет таких людей и чем яснее они будут понимать значение своего участия в земельной собственности, тем более и более будет сама собой уничтожаться власть неработающих над работающими.

XIII

Единственное верное, несомненное средство улучшения положения рабочих и вместе с тем согласное с волей Бога состоит в освобождении земли от захвата помещиками. Достигается же это освобождение земли кроме отказа рабочих от участия в войсках, когда войска направлены против рабочего народа, еще воздержанием от работ на землях помещиков и от найма их. Но мало того, чтобы вам, рабочим, знать, что для вашего блага вам нужно освобождение земли от захвата ее помещиками, и что достигается это освобождение воздержанием вашим от насилия над своим братом и от работы на помещичьих землях и найма их, вам нужно еще вперед знать, как распорядиться землею, когда она освободится от захвата помещиков, как распределить ее между работающими.

Большинство из вас обыкновенно думает, что стоит только забрать землю от неработающих, и всё будет хорошо. Но это не так. Легко сказать: отобрать землю у неработающих и отдать ее работающим. Но как сделать это так, чтобы не нарушить справедливости и не дать возможности богатым людям опять скупить большие пространства и опять этим способом властвовать над рабочими? Предоставить, как думают некоторые из вас, каждому отдельному рабочему или обществу право косить и пахать, где кто хочет, как это было встарину и теперь еще держится у казаков, возможно только там, где народу мало, а земли много и земля одного качества. Там же, где народу больше, чем может прокормить земля, и земля разного качества, нужно придумать иное средство пользования землею.

Разделить землю по душам? Но если разделить землю по душам, то земля достанется и людям, не желающим работать на земле, и эти нерабочие люди будут сдавать ее или продавать богатым скупщикам, и явятся опять люди, владеющие большим количеством земли и неработающие на ней. Запретить неработающим продавать или отдавать внаймы свою землю? Но тогда земля, принадлежащая человеку, который не хочет или не может работать ее, будет лежать без употребления. Кроме того, при разделе земли по душам как уравнивать ее по качеству? Есть земля

черноземная, плодородная и есть земля песчаная, болотная, неплодородная, есть земля в городах, приносящая с одной десятины 1000 и больше рублей дохода, и есть земля в глуши, не приносящая никакого дохода. Как же распределить землю так, чтобы не могло бы опять возникнуть владение землею теми, которые не работают на ней, и не было обиженных, не было бы из-за нее споров, ссор, междоусобий? Люди давно уже заняты обсуждением и разрешением этих вопросов. И для правильного распределения земли между рабочими придумано много проектов.

Не говоря о так называемых коммунистических проектах устройства общества, при которых земля считается общим достоянием и обрабатывается всеми сообща, мне известны следующие проекты.

Проект англичанина Вильяма Огильви (William Ogilvie), жившего в XVIII веке. Огильви говорит, что, так как каждый человек, рождаясь на земле, имеет вследствие этого несомненное право находиться на ней и кормиться ее произведениями, то право это не может быть ограничено тем, что некоторые люди считают своею собственностью большие пространства земли.

И потому каждый должен иметь бесплатное право владеть приходящимся на его долю количеством земли. Если же кто владеет землею в большем количестве, чем приходится на его долю, пользуясь теми участками, на которые не предъявляют требования те, кому они принадлежат по праву, то владетель должен платить за это владение подать государству.

Другой англичанин Фома Спенс (Thomas Spence) несколько лет позже решил земельный вопрос тем, что признавал всю землю собственностью приходов общин, так что приходы общины могли распоряжаться ею, как хотели. Частная же собственность отдельных лиц этим самым совершенно упраздняялась.

Прекрасной иллюстрацией взгляда Спенса на земельную собственность служит рассказ о бывшем с ним в 1788 году в Голдонбридже случае, который он называет «лесной шуткой».

«Один раз, когда я собирал в лесу орехи, из кустов высунулся человек и спросил меня: что я тут делаю?»

Я отвечал: собираю орехи.

– Собираете орехи? Как вы смеее это говорить?

– Отчего же? – спросил я. – Разве вы усумнились бы в праве обезьяны или белки собирать орехи? Чем же я ниже этих существ и почему не имею такого же права, как и они, – сказал я, – и вы-то кто и по какому праву позволяете себе мешать мне?

– Я вам покажу, кто я, когда арестую вас за то, что вы нарушаете чужое право.

– Вот тебе раз! – сказал я. – Но как же я могу нарушать чужое право там, где никто ничего не сажал и не обрабатывал? Ведь орехи

составляют непосредственный дар природы как людям, так и животным, которые захотят пользоваться ими для поддержания своей жизни, и потому они общие.

– А я говорю вам, что лес этот не общий, а принадлежит герцогу Портландскому.

– Вот как! Так передайте мое почтение герцогу. Но так как природа не знает ни его, ни меня, а в кладовых ее есть одно правило о том, что кто первый пришел, тот первый и получает, то скажите герцогу, что если он желает орехов, то чтобы он поторопился».

В заключение Спенс прибавляет, что если бы его хотели заставить защищать страну, в которой он не имеет права сорвать ореха, то он бросил бы свое ружье и сказал бы: «Пусть же герцог Портландский, который считает, что земля его, и сражается за нее».

Так же решал вопрос и знаменитый автор «Age of Reason» и «Rights of Man»

[2] – Фома Пэн (Thomas Paine). Особенность его решения состояла в том, что, признавая землю общей собственностью, он предлагал уничтожать право собственности отдельных владельцев тем, чтобы право собственности на землю не переходило по наследству, так чтобы земля, бывшая частной собственностью, становилась со смертью ее владельца достоянием народа.

После Фомы Пэна уже в нашем столетии писал и думал об этом предмете Патрик Эдвард Доов (Patrick Edward Dove). Теория Доова состоит в том, что ценность земли происходит из двух источников: из свойства самой земли и из положенных на нее трудов. Ценность земли, происходящая из положенных на нее трудов, может быть достоянием частных лиц, ценность же земли, происходящая от ее свойства, есть достояние всего народа и потому никогда не может принадлежать частным лицам, как это признается теперь, а должна быть собственностью общею всего народа.

[3]

Таков же и проект японского общества возвращения земли рабочим «The Land reclaiming Society», сущность которого состоит в том, что каждый человек имеет право владеть причитающейся на его долю землей при условии выплачивания за нее положенной подати и потому может требовать уступки ему причитающейся на его долю земли от того, кто владеет излишком против этой причитающейся на каждого доли. (Проект

этот я прилагаю в прибавлении.) Самый же по моему мнению лучший, наиболее справедливый и применимый проект есть проект Генри Джорджа, называемый проектом «единой подати».

XIV

Я лично считаю проект Генри Джорджа самым справедливым, благотельным и, главное, удобопримимым из всех мне известных проектов. Проект этот можно себе представить в малом виде так: представим себе, что в какой-нибудь местности вся земля принадлежит двум помещикам – одному очень богатому и живущему за границей, и другому небогатому, живущему и хозяйничающему дома – и сотне крестьян, владеющих малою землею. Кроме того, в этой местности живут в услужении и на квартирах десятки людей безземельных ремесленников, торгующих, чиновников. Положим, что все жители этой местности, придя к убеждению, что вся земля есть общее достояние, решили сообразно с этим убеждением распорядиться землею.

Как им поступить?

Отобрать всю землю у тех, кто владеет ею, и разрешить всякому пользоваться той землею, которая ему понравится, нельзя, потому что будет несколько охотников на одну и ту же землю и будут бесконечные ссоры. Соединиться всем в одну артель и пахать, косить, убирать всем сообща и потом уже делить – неудобно, потому что у одних есть плуги, лошади, телеги, у других их нет, да и кроме того некоторые из жителей и не умеют да и не в силах работать землю. Разделить всю землю по душам на такие участки, которые были бы по своему качеству равны между собою, очень трудно. Если разделить для этого всю землю по мелким участкам разных достоинств так, чтобы каждому приходилась делянка и самой хорошей, и средней, и дурной, и пахотной, и покосной, и лесной земли, то будет слишком много мелких участков.

Кроме того, такое разделение опасно тем, что не желающие работать или сильно нуждающиеся будут отдавать за деньги свою землю богатым, и образуются опять крупные землевладельцы. И потому жители местности решают, оставив землю, как она есть, за теми, кто ею владеют, обязать каждого владельца платить в общую кассу деньги, представляющие доход, который по сделанной оценке земли (не по положенным на нее трудам, а по своему качеству и положению) приносит владельцам находящаяся в их пользовании земля, и деньги эти решают поровну делить между собою. Но так как такое собирание денег со всех владеющих землями и потом раздача этих денег поровну каждому жителю затруднительна, а кроме того все жители платят же деньги на общие нужды: училища, церкви, пожарные трубы, пастухов, исправление дорог и т. п., и денег этих всегда недостаточно для общественных нужд, то жители местности решают вместо того, чтобы собирать деньги за доход с земли и раздавать его всем и опять собирать часть его на подати, – собирать и употреблять весь доход с земли на общие нужды.

Устроившись таким образом, жители местности требуют с помещиков причитающуюся плату за находящуюся в их владении землю и также и с крестьян, владеющих малой землею. С десятков же людей, не владеющих никакой землею, не требуют ничего, предоставляя им даром пользоваться всем тем, что учреждается на доход с земли.

Такое устройство делает то, что один из помещиков, не живущий в деревне и производящий мало с своей земли, находит невыгодным при земельном налоге продолжать держать свою землю и отказывается от нее. Другой же помещик, хороший хозяин, отказывается только от части земли и удерживает только ту, на которой он может произвести больше того, что требуется с него за находящуюся в его пользовании землю.

Те же из крестьян, владеющих малою землею, у которых много работников и недостаточно земли, так же, как и некоторые безземельные, желающие кормиться работой на земле, берут оставленную помещиками землю. Так что при таком решении является для всех жителей этой местности возможность жить на земле и кормиться с нее, и вся земля поступает в руки или остается в руках тех, кто любит работать на ней и умеет производить с нее много. Общественные же учреждения жителей местности улучшаются, так как на общественные нужды получается денег больше, чем прежде, и главное то, что всё это перемещение земельного владения совершается без всяких споров, ссор, ломки и насилия, а добровольным отказом от земли тех, кто не умеет выгодно работать на ней.

Таков проект Генри Джорджа в применении к отдельному государству или даже всему человечеству. Проект этот и справедлив, и благодетелен, и главное, удобоприменим везде, во всех обществах, какой бы ни был там установлен порядок землевладения.

Поэтому—то я лично и считаю проект этот наилучшим из всех существующих проектов. Но это мое личное мнение, которое может быть ошибочно. Вы же, рабочие, когда наступит для вас время распорядиться землею, сами обсудите и эти и все другие проекты и или изберете тот, который сочтете наилучшим, или сами придумаете еще более справедливый и удобоприменимый. Изложил же я эти проекты подробно для того, чтобы вы, рабочие, понимая, с одной стороны, всю несправедливость земельной собственности, с другой — всю трудность и сложность правильного распределения земли, не впали в те ошибки необдуманного распоряжения землею, которые сделали бы ваше положение, вследствие борьбы из-за земли отдельных людей и обществ и захватов земли при новом устройстве ее, хуже теперешнего.

XV

Повторю вкратце сущность того, что я хотел сказать вам. Сущность того, что я хотел сказать вам, в том, что я советую вам, рабочим, во-первых, ясно понять, что именно вам нужно, и не трудиться

приобретать то, чего вам совсем ненужно. Нужно вам только одно: свободная земля, на которой бы вы могли жить и кормиться.

Во-вторых, советую я вам то, чтобы вы ясно поняли, какими именно путями вы можете приобрести нужную вам землю. Приобрести ее вы можете не бунтами, от которых избави вас Бог, не демонстрациями, не стачками, не социалистическими депутатами в парламентах, а только неучастием в том, что вы сами считаете дурным, т. е. не поддерживать беззакония земельной собственности как насилиями, производимыми войсками, так и работами на помещичьих землях или наймом их.

В-третьих, советую я вам обдумать вперед, как вам распорядиться с землей, когда она станет свободной.

Для того же, чтобы вам правильно обдумать это, вам надо не думать, что земля, которая отойдет от помещиков, сделается вашей собственностью, а понимать, что для того, чтобы пользование землей могло быть правильно и безобидно распределено между всеми людьми, надо не признавать ни за кем права земельной собственности хотя бы на одну квадратную сажень. Только признавая землю таким же предметом общего достояния всех людей, как теплоту солнца и воздух, вы будете в состоянии безобидно и справедливо распределить между всеми людьми владение землей по какому-либо из существующих проектов или по какому-либо новому, составленному или избранному вами сообще, проекту.

В-четвертых, и самое главное, советую вам для достижения всего того, что вам нужно, направлять свои силы не на борьбу с правящими классами посредством бунтов, революций или социалистической деятельности, а только на себя, на то, чтобы, жить лучше.

Людам бывает дурно только оттого, что они сами живут дурно. И нет ничего вреднее для людей той мысли, что причины бедственности их положения не в них самих, а во внешних условиях. Стоит только человеку или обществу людей вообразить, что испытываемое им зло происходит от внешних условий, и направить свое внимание и силы на изменение этих внешних условий и зло будет только увеличиваться. Но стоит человеку или обществу людей искренно обратиться на себя и в себе и в своей жизни поискать причины того зла, от которого он или оно страдает, и причины эти тотчас же найдутся и сами собой уничтожатся.

Ищите царства божия и правды его, и всё остальное приложится вам. Это основной закон жизни человеческой. Живите дурно, противно воле Бога, и никакие ваши усилия не доставят вам того благосостояния, которого вы ищете. Живите хорошо, нравственно хорошо, согласно с волею Бога и не делая никаких усилий для достижения этого благосостояния, и оно само собою установится между вами и таким способом, о котором вы никогда и не думали.

Так естественно и просто кажется то, чтобы ломиться в ту дверь, за которой находится то, что нам нужно, и тем более естественно, что позади нас стоят толпы людей, напирющие на нас и прижимающие нас к двери. А между тем чем упорнее мы ломимся в дверь, за которую

находится то, что мы считаем благом, тем меньше надежды проникнуть за нее. Она отворяется только на себя.

Так что для достижения истинного блага человеку нужно заботиться не об изменении внешних условий, а об изменении только себя: нужно перестать делать дурное, если он делал его, и начать делать хорошее, если он не делал его. Все двери, ведущие людей к истинному благу, отворяются всегда только на себя.

Мы говорим: рабочий народ поработан правительством, богатыми. Но кто же эти люди, составляющие правительство и богатые классы? Что это – богатыри, из которых каждый может победить десятки и сотни рабочего народа? Или их очень много, а рабочего народа очень мало? Или только эти люди, правители и богатые, одни умеют работать всё нужное и производить всё, чем живут люди? Ни то, ни другое, ни третье: люди эти не богатыри, а, напротив, расслабленные, бессильные люди, и людей этих не только не очень много, но их в сотни раз меньше, чем рабочих. И всё, чем живут люди, производится не ими, а рабочими, они же и не умеют и не хотят ничего делать, а только пожирают то, что делают рабочие. Так отчего же эта маленькая кучка слабых, праздных, ничего не умеющих и не желающих делать людей властвуют над миллионами рабочих? Ответ есть только один: происходит это оттого, что рабочие руководятся в своей жизни теми же самыми правилами и законами, которыми руководятся и их угнетатели. Если рабочие работают и не пользуются в такой степени трудами бедных и слабых, как неработающие правители и богатые, то это происходит не оттого, что они считают это нехорошим, но оттого, что не могут и не умеют этого делать, как делают это правители и богатые, более ловкие и хитрые, чем остальные. Правители и богатые властвуют над рабочими только потому, что рабочие желают точно так же и теми же способами властвовать над своим же братом рабочим. По этому же самому – по одинаковости понимания жизни – рабочие и не могут по-настоящему восставать против своих угнетателей: как ни тяжело рабочему угнетение, которое он терпит от правителей и богатых, он в душе знает, что сам поступил бы, а может быть, и поступает в малом виде по отношению своих братьев точно так же. Рабочие связали себя желанием поработить друг друга, и потому ловким людям, забравшим уже силу и власть, легко поработить их. Если бы рабочие люди не состояли из таких же поработителей, как и правители и богачи, заботящихся только о том, как бы, пользуясь нуждою ближнего, устроить свое благосостояние, а жили бы по-братски, помня друг о друге и помогая друг другу, никто бы не мог поработить их. А потому рабочим для того, чтобы освободиться от того угнетения, в котором их держат правители и богатые, есть только одно средство: отказаться от тех основ, которыми они руководствуются в своей жизни, т. е. перестать служить мамону и начать служить Богу.

Мнимые друзья народа говорят вам, и вы сами, по крайней мере некоторые из вас, говорите себе, что надо изменить всё теперешнее устройство: завладеть орудиями труда и землею и свергнуть теперешнее правительство и установить новое. И вы верите этому и надеетесь и трудитесь для достижения этих целей. Но положим, что вы достигнете того, чего желаете: свергнете теперешнее правительство и учредите новое, овладеете всеми фабриками, заводами, землею. Почему вы

думаете, что люди, которые составят новое правительство, будут руководиться новыми, иными основами, чем те, которыми руководствуется теперешнее. А если они будут руководиться теми же основами, то они точно так же, как теперешние, будут стараться не только удержать, но усилить свою власть и будут извлекать из своей власти для своей выгоды всё то, что можно извлечь из нее. Почему вы предполагаете, что люди, которые будут заведывать фабриками, землею (всем нельзя распоряжаться всеми учреждениями), будучи людьми с такими же взглядами, как и теперешние, не найдут средств точно так же, как и теперь, захватить львиную долю, оставив людям темным, смиренным только необходимое. Скажут: «будет так устроено, что этого нельзя будет сделать». Уже чего же лучше было устроено самим Богом или самой природой – принадлежность земли всем тем, которые живут и рождаются на ней, а ухитрились же люди нарушить и это божеское устройство. Извратить же человеческое устройство всегда найдутся тысячи способов у людей, руководствующихся в жизни только заботой о своем личном благосостоянии. Никакие изменения внешнего устройства никогда не улучшат и не могут улучшить положение людей. И потому – то мой четвертый и самый главный совет вам, рабочим, состоит в том, чтобы, не осуждая других людей, ваших угнетателей, вы оглянулись бы на себя и изменили бы свою внутреннюю жизнь.

Будете думать, что законно и полезно силою вырвать и присвоить себе то, что у вас отнято и удерживаемо насилуем, или будете думать, что, следуя учению заблудших людей, законно и полезно участвовать в борьбе классов и добиваться присвоения устроенных другими орудий труда; будете думать, что, служа солдатами, вы обязаны покоряться начальству, приказывающему вам насиловать и убивать своих братьев, а не Богу, который не велит этого делать, или будете думать, что, поддерживая беззаконие земельной собственности своей работой на землях помещиков и наймом их, вы не делаете ничего дурного, и положение ваше будет становиться всё хуже и хуже, и вы вечно останетесь рабами.

А поймете то, что для вашего истинного блага вам нужно только жить по закону Бога братскою жизнью, делая другим то, что вы хотите, чтобы вам делали, и в той мере, в которой вы поймете это, а понявши исполните, осуществится и то благо, которого вы желаете, и уничтожится ваше рабство: «Познаете истину, и истина сделает вас свободными».

Ясная Поляна, сентябрь 1902 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРОЕКТ ЯПОНСКОГО ОБЩЕСТВА

Проект японского общества возвращения земли рабочим, как он излагается в статье этого общества: «Призыв ко всему человечеству о восстановлении свободы земли», состоит в следующем:

«Мы знаем, – говорится в этой статье, – что естественный закон тот, что кто работает, тот богатеет, а кто не работает, остается бедным.

Теперешнее же устройство наших обществ таково, что большинство бедных работают много и остаются бедными, тогда как богатые, живя праздно и роскошно, увеличивают свое богатство. Происходит это оттого, что не соблюдается главный, основной закон справедливости, по которому вещи, произведенные человеческим трудом, должны принадлежать тем людям, которые произвели их, вещи же, произведенные силами природы, вся земля, на которой мы живем, и всё, находящееся на ней и в ней, должно одинаково принадлежать всем людям.

Таков основной закон справедливости. Законы же о земле в наших обществах дают одним людям исключительное право на землю без ограничения времени и пространства, лишая других права такого же пользования. Так что теперь некоторые получают то, чего им не следует, тогда как другие не получают того, что им следует.

Мы желаем изменения общественного устройства не для того, чтобы отнять у богатых классов их собственность, мы желаем только восстановления данного нам творцом естественного права на землю. Мы желаем только того, чтобы вещи, сделанные людьми, принадлежали тем, кто их сделал, вещи же, произведенные природными силами, были предоставлены одинаковому пользованию всех людей.

Практическое применение нашего предложения состоит в следующем:

Вся годная земля оценивается, и доля каждого человека на землю сообразно населению определяется правительством. Всякий человек, не имеющий земли или имеющий ее меньше, чем определенная ему доля, должен иметь право потребовать от того, кто владеет лишней против положения землю, причитающуюся ему долю, с условием платить за нее определенную законом цену. Во всех же других, кроме упомянутого, случаях люди могут свободно владеть и передавать друг другу владения своими землями.

Примечание I. Оценка земли должна быть делаема так, чтобы ценность, зависящая от положенных владельцами личных усилий для увеличения доходности земли, была отделена от ценности земли, происшедшей от природных или общественных условий. Различение это должно быть делаемо для того, чтобы всё то, что произведено личными усилиями, оставалось бы личной собственностью того, кто произвел эти усилия, то же, что произведено природными или общественными силами, составляло бы общественную собственность.

Примечание II. Величина доли земли каждого человека должна быть

определена по двум способам пользования землею, именно: пользованием землею, как местом для жительства и средством для получения с нее дохода. Для места жительства земля должна быть разделена на равные участки для всякого взрослого лица. Для получения же с нее дохода земля должна быть разделена на большие и малые участки, смотря по степени ее доходности.

Если этот план будет исполнен, то все люди будут одинаково твердо стоять на земле. Всякий будет иметь место жительства и землю для того, чтобы кормиться с нее. При этом количество лиц, ищущих работы, и арендаторов, желающих снять земли, уменьшится, требование же на рабочих и арендаторов увеличится, увеличится и плата за работу, и уменьшится цена за аренду. Уменьшатся в то же время и незаконные прибыли капиталистов и землевладельцев, потому что люди, которые прежде считали необходимым закабалиться капиталистам, почувствуют себя под властью одного своего естественного хозяина, Бога, который отдает им за их труд полное вознаграждение.

Мы верим, что такая система согласна с справедливостью и исправит всё то зло, которое проистекает от теперешнего несправедливого устройства общества.

Но если бы кто-нибудь показал нам другую систему, более согласную с справедливостью и более действительно исправляющую зло, мы не задумаемся принять ее.

Мы надеемся, что все, признающие великую истину принадлежности земли всем людям – хотя бы их система была несогласна с нашею, соединятся с нами для того, чтобы общими силами достигнуть восстановления нашего естественного и законного права на землю.

Говорят, что теперь еще рано предлагать такой проект. Мы, напротив того, жалеем о том, что восстановление права людей на землю так запоздало, потому что за 5000 лет со времени общественной жизни людей и поныне бесчисленное количество людей, не понимая своего права, уже оставили мир, считая его местом разочарования и печали только потому, что были лишены своего естественного права на землю.

И потому мы умоляем вас, если вы не любите насилия, управляющего теперь миром, и желаете, чтобы управляла им справедливость, приложите все свои силы к восстановлению естественного права людей на землю. Если вы желаете полного уничтожения рабства на земле и свободы для всего человечества, приложите все свои силы к этому восстановлению. Если вы не желаете видеть людей, живущих, как животные, сильного, подавляющего слабого, приложите свои силы к этому восстановлению. Если вы сочувствуете огромному большинству людей на земле, которые проводят свои жизни в страданиях от этих несправедливых условий, если вы жалеете несчастных детей, которые наследуют эти страшные условия, приложите все свои силы к этому восстановлению.

Мы верим, что земля есть обетованная земля для всех людей и что поэтому мы не освободимся от египетского рабства до тех пор, пока не возвратим себе эту обетованную землю. Правда, что восстановление

естественного права на землю есть последнее освобождение всего человечества, и потому мы знаем, что исполнение нашего предложения не легко, но верим, что если все добрые люди соединятся с этой целью, она будет достигнута».

Таков проект японского общества.

II

ПРОЕКТ ГЕНРИ ДЖОРДЖА

Другой проект, проект Генри Джорджа, состоит в следующем: «Право собственности, – пишет он в своей статье «Что такое единый налог и почему мы добиваемся его?» – опирается не на человеческие, а на естественные законы – другими словами на законы Бога. Оно ясно и безусловно, и всякое нарушение его, всё равно, совершается ли оно отдельной личностью или целым народом, является нарушением заповеди «не укради». Человек, который ловит рыбу, выращивает яблоню, выхаживает теленка, строит дом или машину, шьет платье, рисует картину, тем самым приобретает исключительное право собственности на произведения своего труда, – право дарить их, продавать или завещать в наследство. Но создал ли кто-нибудь землю, чтобы он мог предъявлять на нее или на какую-нибудь часть ее такое же право собственности, при котором он мог бы дарить ее, продавать или завещать в наследство. Так как земля была создана не нами и является лишь временным местопребыванием сменяющихся человеческих поколений, так как мы находимся на ней, очевидно, с одинакового позволения создателя, то ясно, что никто не может иметь какого-либо исключительного права собственности на землю и что права всех людей на нее должны признаваться равными и неотчуждаемыми. Но это право владения должно быть ограничено равными правами всех других людей и потому должно обуславливаться уплатою обществу владельцем известного вознаграждения за представляемое ему ценное преимущество пользоваться известным находящимся в его владении участком.

Когда мы облагаем налогом дома, жатвы, деньги, хозяйственные принадлежности, капитал или богатство, в какой бы то ни было форме, мы отбираем у членов общества то, что по праву должно считаться их собственностью, – мы нарушаем право собственности (и именем закона совершаем грабеж). Но когда мы облагаем налогами земельные ценности, мы берем у членов общества то, что им не принадлежит, а принадлежит обществу, и что не может быть оставлено кому-либо из них без вреда для других членов общества. Так что мы нарушаем закон справедливости, облагая налогом труд или произведения труда, и мы нарушаем этот закон также и тогда, когда не облагаем налогом земельных ценностей. И потому мы предлагаем отменить все налоги с единственным исключением налога с ценности земель, взимаемого независимо от ценности разного рода сделанных на них построек и улучшений.

То, что мы предлагаем, не есть налог на недвижимость, ибо под недвижимостью понимают также здания и сооружения. Не есть это и налог на землю, ибо мы предлагаем облагать не землю вообще, а лишь ту цену земли, которая зависит не от ценности возведенных на ней сооружений или сделанных в ней улучшений, а только от природных или общественных условий.

От установления этого единого налога на землю последствия должны быть следующие:

1. Этот налог освободит нас от целой армии сборщиков и других чиновников, которые требуются при теперешних налогах, и будет доставлять казне по сравнению с другими налогами значительно большую долю того, что берется с народа: вместе с тем упрощая и удешевляя правительство, он будет способствовать также тому, чтобы сделать его более честным. Он избавит нас от налогов, которые роковым образом ведут к обманам, клятвопреступлениям, подлогам и взяточничеству. Вся земля находится на виду и не может быть скрыта: ценность ее определяется легче ценности чего бы то ни было другого, а потому и налог, предлагаемый нами, можно собирать с наименьшей затратой и с наименьшим вредом для общественной нравственности.

2. Он увеличит в огромной мере производство богатства, устранив: А) тягостное действие теперешних налогов на трудолюбие и бережливость, Б) и сделает землю более доступной для желающих ею пользоваться, ибо он сделает более трудным удержание за собой ценной земли для тех собственников, которые сами ею не пользуются, а рассчитывают лишь на будущий прирост ее ценности. В) Обложение налогами произведений труда, с одной стороны, и недостаточное обложение земельных ценностей, с другой, приводит к несправедливому распределению богатства, которое сосредоточивается в руках немногих лиц в виде огромных состояний, в то время, как масса всё более и более беднеет. Это несправедливое распределение богатства, с одной стороны, ведет к образованию класса людей праздных и расточительных, потому что они слишком богаты, а с другой к образованию класса людей праздных и расточительных, потому что они слишком бедны, и таким образом в огромной мере сокращает производство. Г) Несправедливое распределение богатства, создавая, с одной стороны, страшных миллионеров, а с другой бродячих нищих, порождает воров, игроков, общественных паразитов разного рода и требует огромного расхода денег и сил на сторожей, полицейских, суды, тюрьмы и другие средства, употребляемые обществом для самозащиты.

Вот причины, по которым мы считаем установление единого налога на землю спасительной мерой. Мы не думаем того, чтобы такое установление изменило человеческую природу. Это не во власти человека; но оно создаст условия, при которых человеческая природа будет развивать всё лучшее, вместо того, чтоб развивать всё худшее, как это происходит теперь. Оно сделает возможным такое огромное увеличение в производстве богатства, какого теперь мы не в состоянии себе представить. Оно обеспечит справедливость в распределении. Оно сделает незаслуженную бедность совершенно неизвестной. Оно уничтожит растлевающую погоню за наживой. Оно даст людям возможность быть по

крайней мере такими честными, правдивыми, рассудительными и благородными, какими они желали бы быть. Оно подготовит наступление того царства правды и справедливости, а стало быть царство изобилия, мира и счастья, которых Иисус велел своим ученикам просить и добиваться».

Более подробное изложение проекта Генри Джорджа можно узнать из его книг: «Прогресс и бедность», «Социальные задачи» и других.

Комментарии В. С. Мишина

«К РАБОЧЕМУ НАРОДУ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Летом 1901 г. Толстой написал статью «Единственное средство», [4] в которой он, обращаясь к рабочему народу, указывал казавшийся ему правильным путь освобождения из тяжелого положения. Осенью 1901 г. Толстой заболел и переехал из Ясной Поляны в Гаспру (Крым) и прожил там всю зиму, до конца июля 1902 г. В январе 1902 г. Толстой, под впечатлением событий, происшедших в начале 900-х годов, массовых крестьянских волнений, написал письмо Николаю II, в котором говорил: «Уничтожение земельной собственности и есть, по моему мнению, та ближайшая цель, достижение которой должно сделать в наше время своей задачей русское правительство». Вскоре после этого возник замысел написать обращение «К рабочим и нерабочим людям» (запись на блокноте от 25 апреля 1902 г. [5] В мае 1902 г. Толстой начал его писать. 27 мая в Дневнике записано: «Понемногу работаю над обращением к народу (недурно)». [6] 11 июня С. А. Толстая записала в своем дневнике: «Лев Николаевич пишет обращение к рабочим людям, все то же, что и царю». [7]

Как видно по рукописям, Толстой несколько раз считал работу над этой статьей законченной, но потом опять принимался за ее переработку. На последнем листе одной из ранних редакций (рукопись № 3) уже имеется подпись с датой: «1 июня 1902 г.». Однако после снятия копии редакция эта подверглась сильнейшей переработке, закончившейся 22 июня. После возвращения из Гаспры в Ясную Поляну (27 июня) Толстой опять взялся за исправление статьи. 1 июля 1902 г. в Дневнике записано: «Всё исправлял: К рабочему народу. Начинает принимать вид

и, кажется, кончил».

[8] Но работа продолжалась и дальше. 20 июля на листке «Настольного календаря» записано: «Кончил к рабочему народу». 22 июля 1902 г. рукопись была послана В. Г. Черткову в Англию, но и после этого, в августе, в статью вносились некоторые исправления. [9]

20 августа 1902 г. Толстой сообщал в письме к вел. кн. Николаю Михайловичу: «Что же касается до вопроса об уничтожении земельной собственности, то я в последнее время написал об этом – насколько умел – обстоятельное сочинение... Заглавие сочинения: «Рабочему народу». Всякое сочинение est une lettre de l'auteur à ses amis inconnus».

[10]

В печати статья датирована сентябрем 1902 г.

Статья «К рабочему народу» появилась впервые в Англии: «Л. Н. Толстой, «К рабочему народу», издание «Свободного слова», № 78. V. Tchertkoff. Christchurch, Hants, England, 1902». На титульном листе – другое заглавие: «Обращение к рабочему народу Льва Николаевича Толстого». Редактором (В. Г. Чертковым) сделаны в тексте некоторые пояснительные примечания. К проектам Японского общества и Генри Джорджа сделано следующее примечание: «Как этот, так и следующий проект представляет не буквальный, но свободный и сокращенный перевод, сделанный самим Львом Николаевичем Толстым».

В настоящем издании статья «К рабочему народу» печатается по первопечатному английскому изданию с исправлением ошибок по автографам Толстого.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

Рукописи, относящиеся к статье «К рабочему народу», хранятся в Рукописном отделе Музея Л. Н. Толстого Академии наук СССР в архивах В. Г. Черткова, И. И. Горбунова–Посадова и Н. Л. Оболенского. Общее количество их – 840 рукописных единиц.

Все рукописи располагаются хронологически под №№ 1–35.

Статья разрасталась постепенно. Отдельные части статьи перерабатывались по многу раз. Наиболее исправленные листы переписывались, другие же перекладывались в следующие рукописи, и таким образом составлялись новые редакции. Рукописи заключены в обложки, на которых имеются даты, проставленные рукой переписчиков. Однако обложки эти, очевидно, были перепутаны, и имеющиеся на них даты не соответствуют последовательности расположенных в них рукописей. Так, обложка рукописи № 1 имеет дату «3 июля 1902»; № 2 – «10 июля 1902»; № 11 – «20 июня 1902»; № 13 – «14 июня 1902»; № 14 – «17 июня 1902»; № 15 – «20 июня 1902»; № 17 – «13 июня 1902»; № 18 – «22 июня 1902»; № 19 – «30 июня 1902»; № 20 – «1 июля 1902»; № 21 – «2 июля 1902»; № 22 – «4 июля 1902»; № 23 – «5 июля 1902»; № 24 – «6 июля 1902»; № 25 – «7 июля 1902»; № 26 – «8 июля 1902»; № 27 – «9 июля 1902»; № 28 – «11 июля 1902»; № 29 – «19 июля 1902»; № 31 – «1902 год».

Даты, проставленные Толстым, имеются в трех рукописях: № 3 – «1 июня 1902»; № 15 – «1902, 20 июнь»; № 23 – «2 июля 1902».

В переписке рукописей принимали участие: Т. Л. Сухотина, М. Л. Оболенская, Н. Л. Оболенский, С. А. Толстая, П. А. Буланже, Ю. И. Игумнова, А. Б. Гольденвейзер, Д. В. Никитин и др.

Первый автограф статьи не сохранился. Рукописи №№ 1–5 представляют собой первоначальные наброски статьи и состоят из отдельных разрозненных листков, оставшихся после переписки. Рукопись № 6 включает в себе почти полный текст статьи в ее первоначальной редакции. Рукописи №№ 7–10 – дальнейшая переработка этой редакции; они состоят из разрозненных листков и отрезков. Рукопись № 11 – почти полный текст статьи. В этой рукописи впервые проводится деление на главы. Рукописи №№ 12–29 – дальнейшая последовательная переработка отдельных глав и частей статьи. Рукопись № 30 – полный текст статьи, составленный из копий с предыдущих рукописей и части листов, переложённых из тех же рукописей. Рукопись № 31 – копия рукописи № 30, последняя правленная Толстым полная рукопись статьи. Рукописи №№ 32, 33 и 35 – дополнения и вставки к рукописи № 31. Рукопись № 34 – разрозненные листки и отрезки их из разных рукописей, собранные в одну обложку с надписью: «Архив Оболенского».

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем томе публикуется часть произведений позднего периода творчества Л. Н. Толстого: повесть «Хаджи-Мурат» с ее многочисленными вариантами, над которой он работал с 1896 по 1904 г., и публицистические статьи 1902–1903 гг.: «К рабочему народу», «К политическим деятелям», «Что такое религия и в чем сущность ее?», «О Шекспире и о драме».

В этих произведениях с большой силой сказались и величие и слабость Толстого как художника и мыслителя, в них предельно ярко отразились гениально вскрытые В. И. Лениным противоречия его творчества.

Острейшие противоречия в творчестве Толстого – это отражение тех в высшей степени противоречивых условий, в которые была поставлена жизнь пореформенной России эпохи подготовки революции 1905 года. «Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как крестьянской буржуазной революции»

[11] , – писал В. И. Ленин.

I

Мировоззрение Толстого отразилось в «Хаджи–Мурате» во всей своей сложности и противоречивости. Сюжет повести находится в полном соответствии с действительными историческими событиями. Но вместе с тем, Толстой освещает эти события с позиций, характерных для него как выразителя идеологии патриархального крестьянства.

Естественность жизни горцев, их цельность, близость к природе, чистоту нравов Толстой резко противопоставляет лжи, лицемерию, цинизму и разврату «цивилизованного» общества.

Своеобразие «Хаджи–Мурата», сравнительно с другими произведениями позднего Толстого, заключается в том, что идея непреклонной борьбы «до последнего» звучит в повести как основной мотив, объективно опровергая проповедь «непротивления злу насилием».

Художественные особенности повести – лаконичность, законченность характеристик, лирическая взволнованность повествования – свидетельствуют о необычайной творческой силе Толстого, обогащенной долголетним писательским опытом. Поэтому художественное воздействие «Хаджи–Мурата» на читателя не уступает по своей силе воздействию других величайших произведений писателя. Горький говорил об этой повести: «Да, когда я читаю Толстого или Чехова, какое огромное спасибо говорю им. И мне кажется, что эти творцы умели выражать всё. Разве можно написать «Хаджи–Мурата» лучше? – Нам кажется – нет. Толстому казалось можно!»

[12]

На содержании и художественной форме повести сказались и новые требования, предъявленные Толстым к искусству и сформулированные незадолго до создания «Хаджи-Мурата» в трактате «Что такое искусство?». Ценителем искусства должен быть весь народ, и потому по форме оно должно быть доступным и понятным народу. «Краткость, ясность и простота выражения», эти неперемennые требования Толстого к подлинному искусству, отразились в совершенстве формы повести, в ее безыскусственной поэзии, гениальной простоте.

Как видно из содержания повести, из ее многочисленных вариантов, и как это показано в статье А. П. Сергеенко «История писания «Хаджи-Мурата», Толстой интересовался борьбой горцев Кавказа на протяжении почти всей своей литературной деятельности. Он тщательно изучал исторические, этнографические и мемуарные источники, относящиеся к Кавказу, и потому сумел дать в своей повести верную до мельчайших деталей картину исторической и бытовой обстановки Кавказа и происходивших там во время царствования Николая I событий.

Однако действительный историзм заключается не только в воссоздании верной картины обстановки исторических событий, но прежде всего в раскрытии их объективно-исторического смысла, т. е. в правильной оценке изображаемых событий и лиц.

Присоединение Кавказа к России было исторически прогрессивным делом, так как ввело территорию Кавказа в сферу европейского рынка и связало отсталые производственные силы Кавказа с развивающейся капиталистической экономикой России. Бесспорно и то, что огромное значение для развития культуры кавказских народов имело установление связей с великой русской культурой. Энгельс в письме к Марксу от 23 мая 1851 г. писал: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку».

[13]

Но это лишь одна сторона вопроса. Вторая заключается в том, что присоединение Кавказа происходило насильственным путем, в процессе колониальных войн царизма. Это вызывало гневный протест Толстого, ярко отраженный в повести «Хаджи-Мурат». Однако движение горцев было использовано религиозными фанатиками-мюридами и Шамилем, опиравшимся на Турцию и Англию, в своих деспотических целях и приобрело поэтому реакционный националистический характер. Мюридизм, разжигая ненависть кавказских племен к русским, вместе с тем стремился увековечить самые отсталые черты феодально-патриархального быта горцев. Администрация Шамиля, наибы – наместники областей – зачастую, особенно в последние годы войны, превращались в новую

феодалную знать, начинавшую эксплуатировать бедняцкие массы горцев ничуть не хуже старых феодалов. Известны неоднократные массовые возмущения против наивов.

Толстой в «Хаджи-Мурате» резко осуждал и вождя горцев Шамиля и колонизаторскую политику Николая I.

В одном из вариантов главы о Николае I он писал:

«Гибли сотни тысяч солдат в бессмысленной муштровке на учениях, смотрах, маневрах и на еще более бессмысленных жестоких войнах против людей, отстаивающих свою свободу то в Польше, то в Венгрии, то на Кавказе».

Но, бичуя самодержавный деспотизм Николая I и его сатрапов, обличая в оценке кавказской войны лживость официальной историографии, Толстой в то же время пытается истолковать изображаемые события и поведение своих героев в морально-этическом плане, оценить их с точки зрения «вечных истин» религии, дополнить реакционной проповедью «непротивленства». Всё это не может не нарушить жизненной правды и художественной цельности произведения.

К оценке действующих в повести исторических лиц – Николая I и Воронцова – Толстой подходит также с морально-этической точки зрения, но, постепенно углубляя их характеристики, рисует всё же исторически верные, обличительные портреты, что является безусловной победой реализма Толстого. Таков образ наместника Кавказа Воронцова-старшего; читатель «Хаджи-Мурата» ясно видит, что это тот самый царский сатрап Воронцов, у которого младшим чиновником служил сосланный Пушкин, давший ему бичующе меткую характеристику:

Полу-милорд, полу-купец,

Полу-мудрец, полу-невежда,

Полу-подлец, но есть надежда,

Что будет полным наконец.

Образу Николая I Толстой уделяет особое внимание. Материал о Николае I, собранный и изученный Толстым, значительно больше того, что вошло затем в повесть «Хаджи-Мурат» и в другие произведения Толстого. Очевидно, в «Хаджи-Мурате» Толстой ограничился одной главой о Николае I потому, что не хотел нарушить художественную пропорцию повести, надеясь в дальнейшем написать о нем самостоятельное произведение. Тема о Николае I так и осталась незавершенной в творчестве Толстого. Но если не завершена тема, то художественный образ Николая I в «Хаджи-Мурате» вполне закончен.

Николай I в изображении Толстого – это олицетворение крайнего

деспотизма, воплощение тупой и мертвой силы, которая мешает жить людям. Такова общая морально–этическая оценка, с точки зрения которой Толстой и проводит в «Хаджи–Мурате» прямую параллель между Николаем и Шамилем, представляющими, по его мнению, «два полюса властного абсолютизма – азиатского и европейского». В целом ряде эпизодов Толстой дает сопоставление этих двух лиц, сближая их поступки иногда даже в деталях. Для Толстого Шамиль такой же, как Николай I, бездушный, лицемерный, ослепленный фанатизмом насильник. Не сосредоточивая своего внимания в повести «Хаджи–Мурат» на образе Шамиля, Толстой более развернуто и детально рисует образ Николая I со всеми его отвратительными качествами как самодержца и как человека.

Представителям азиатского и европейского деспотизма в повести противопоставлен Хаджи–Мурат, человек искренний и цельный, ищущий естественной свободы и страстно, «до последнего» отстаивавший ее. Толстой интересовался историей и действительной жизнью Хаджи–Мурата и сделал всё возможное для выяснения деталей его биографии. В бытность свою на Кавказе писатель, повидимому, не встречался с Хаджи–Муратом, но о выходе его к русским знал. Сочувствуя уже тогда борьбе горцев, Толстой дал оценку этому событию в письме от 23 декабря 1851 г. к брату Сергею Николаевичу: «Второе лицо после Шамиля, некто Хаджи–Мурат, на днях предался русскому правительству. Это был первый лихач (джигит) и молодец во всей Чечне, а сделал подлость».

[14] Но в повести, написанной более чем через полвека, Толстой отказался от своей прежней оценки поступка Хаджи–Мурата и дал этот образ опять–таки в морально–этическом, но не социально–политическом, плане.

Таким образом, историзм Толстого в «Хаджи–Мурате» имеет как сильные, так и слабые стороны, обусловленные противоречивостью Толстого–художника, мыслителя, проповедника.

II

В статьях, публикуемых в 35 томе, отразились почти все стороны учения Толстого. Он выступает, по определению Ленина, «как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства». [15]

«Толстовские идеи, это – зеркало слабости, недостатков нашего крестьянского восстания, – писал В. И. Ленин в 1908 г., – отражение

мягкотелости патриархальной деревни и заскорузлой трусливости «хозяйственного мужичка».

[16]

Толстой отражает настроение патриархального крестьянства «так верно, – подчеркивал Ленин, – что сам в свое учение вносит их наивность, их отчуждение от политики, их мистицизм, желание уйти от мира, «непротивление злу», бессильные проклятья по адресу капитализма и «власти денег». Протест миллионов крестьян и их отчаяние – вот что слилось в учении Толстого».

[17]

Отчуждение от политики, от борьбы и обращение к богу свойственно тем социальным слоям, которые отчаялись найти реальный выход из бедственного положения. А русское патриархальное крестьянство после реформы 1861 г. являлось именно таким социальным слоем. Весь опыт человеческой истории показал, что крестьянство, вследствие того, что оно было связано с отсталым способом производства, из-за своей раздробленности, неорганизованности, политической несознательности не могло само, своими силами добиться освобождения. Будучи беспомощным в деле своего освобождения, крестьянство не могло иметь сколько-нибудь цельного и тем более последовательного революционного мировоззрения. Временами стихийно возмущавшиеся крестьянские массы России искали выхода из своего несправедливого и угнетенного состояния и не могли найти его.

Толстой сочувствовал бедственному положению крестьянства, но вместо действительных средств его освобождения: борьбы, революции – проповедовал самоусовершенствование и «непротивление злу насилием» и тем самым обнаружил, по словам Ленина, «в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю».

[18]

В статье «К рабочему народу», написанной в 1902 г., ярко проявились черты реакционной проповеди Толстого. В этой статье Толстой вскрывает враждебный народу эксплуататорский характер царского самодержавия и одновременно пророчит провал всякой попытки с помощью революционного насилия положить конец этой власти. Из того исторического факта, что крестьянские бунты никогда не приводили к освобождению трудящихся от эксплуатации, Толстой сделал реакционный вывод, будто никогда никакой «бунт» или революция (что для него равнозначно) не приведет к освобождению. Толстой не видел, не понимал качественного отличия рабочего класса от крестьянства. Для него рабочие, занятые на фабриках и заводах, – это те же крестьяне, только испорченные и развращенные тем, что искусственно вырваны из естественной и якобы единственно полезной и нужной для всякого человека деревенской жизни и втиснуты во вредные людям условия городской цивилизации.

Толстой страстно обличал капитализм, но считал, что спасение человечества состоит в возвращении от городской «порочной» цивилизации к земледельческому труду.

Мешает этому возвращению, по его мнению, то, что земля, которой хватит «на всех», в огромном количестве составляет частную собственность людей, не только на земле не работающих, но при помощи ее угнетающих других. Эта система охраняется всеми силами государства, а в особенности его главной силой – войском. Нужно поэтому только одно, – говорит Толстой, – изыскать средства вернуть землю народу. Лучшим проектом возвращения земли он считает проект Генри Джорджа, которого Ленин назвал «буржуазным национализатором земли». Согласно этому проекту должно быть точно определено количество земли, нужное отдельному человеку для собственного прокормления. Вся земля сверх этой нормы облагается единым поземельным налогом в таком размере, который сделал бы для владельцев просто невыгодным владеть лишней землей. Это вызовет естественное перераспределение земли и, как следствие – переустройство всего общества. Государство, которое всегда стояло за неработающих, будет, конечно, мешать этому, но если рабочие откажутся служить в войске, то государство сделается бессильно, и таким образом «всё образуется».

Не менее реакционна и беспомощная попытка Толстого критиковать социализм, которого он не знал, не понимал и не мог понять, так как являлся выразителем настроений большинства того крестьянства, которое не видело еще, какие общественные силы способны принести избавление трудящимся массам.

Бичуя буржуазно-помещичье государство и его аппарат насилия – войско, ясно видя уродливость буржуазной цивилизации и предлагая утопические проекты спасения от ее «язв», Толстой выражал настроения русского крестьянина, который с ужасом видел, как почва ускользает из-под его ног, как задыхается он от безземелья и малоземелья, как отнимается его земля, а сам он превращается в сельского пролетария. Всё это, в представлении патриархального крестьянина, шло из города и от города.

Требование земли было всеобщим требованием русского крестьянства накануне первой революции. Эти настроения русского крестьянства и его мечту о земле и выразил Толстой в статье «К рабочему народу».

Вопрос о земле был одним из тех великих вопросов, которые писатель поставил, но разрешить оказался не в состоянии.

Вопрос о земле был правильно поставлен и действительно разрешен лишь партией большевиков. Русское трудящееся крестьянство пошло по пути, указанному Лениным, и получило землю только в результате Великой Октябрьской социалистической революции.

В статье «К политическим деятелям» Толстой пытался обосновать предложенные им средства искоренения общественных зол путем того же самоусовершенствования и «непротivления злу насилием» и убедить политических деятелей, защищающих правительства эксплуататоров, в том, что их деятельность безнравственна, а борющихся против правительства – в том, что их борьба ни к чему не приведет, а лишь ухудшит положение трудящихся.

В век технического прогресса, писал Толстой, власть стала несокрушима, «Чингис-хан с телеграфом» еще более непобедим, чем прежний Чингис-хан. Если революция и победит, то новая власть якобы всё равно не обеспечит свободы людям, и вообще стремление людей к материальному благополучию недостойно человека и т. д. Поскольку средства и силы, поддерживающие правительства, благодаря техническому прогрессу изменились, то и средства искоренения зла должны быть новыми. Эти новые средства и предлагает Толстой – самоусовершенствование и «непротivление злу насилием».

Реакционность подобной проповеди Толстого, одинаково обращенной и к хозяину и к работнику, очевидна. От нее веет духом идеологии «восточного строя, азиатского строя».

«Отсюда, – писал Ленин, – и аскетизм, и непротivление злу насилием, и глубокие нотки пессимизма, и убеждение, что «всё – ничто, всё материальное ничто»... и вера в «Дух», «начало всего», по отношению к каковому началу человек есть лишь «работник», «приставленный к делу спасения своей души», и т. д.».

[19]

Толстой понимал, что идущая долгие века борьба в человеческом обществе – это в основном борьба между властью и народом, а не между разными группами властителей, как ее пытались представить дворянские и буржуазные идеологи. Но Толстой не видел того, что это была классовая борьба между угнетенными и угнетателями, не видел экономической основы этой борьбы, а поэтому весь процесс общественного развития представлялся ему как чисто механическая

смена «одной власти другою, и этой другой еще третьею и т. д.», пока, наконец, власть не сделалась «несокрушима».

Толстой просмотрел то, что вместе с новыми условиями (т. е. эпохой капитализма) возникла и совершенно новая сила – промышленный пролетариат, которому суждено стать могильщиком капитализма.

Ценность статьи «К политическим деятелям» заключается в той уничтожающей критике, с которой Толстой обрушился на буржуазные демократии. Великий художник отчетливо видел, что форма государства, существующая в так называемых демократических странах: Англии, Франции и «обетованной земле» капитализма – Америке, ничуть не лучше для народа, чем царское самодержавие, а своими тягчайшими формами угнетения трудящихся, утонченным лицемерием и маскировкой самой беззастенчивой эксплуатации колониальных народов зачастую еще хуже. Толстой указывает, что истинное лицо буржуазной демократии – в рабстве негров в Соединенных Штатах, в уничтожении независимости буров, в милитаризме Франции. В то время как буржуазные либералы на все лады прославляли западный парламентаризм, считая его образцом для России, «горячий протестант, страстный обличитель» Толстой бичевал буржуазную демократию за ее антинародную, эксплуататорскую сущность.

В третьей из публикуемых в настоящем томе статей – «Что такое религия и в чем сущность ее?» – Толстой излагает свое религиозное учение, а вместе с тем резко критикует официальную церковь за ее фальшь, лицемерие, эксплуататорский характер. Это – типично толстовская противоречивость. У Толстого, писал Ленин, «борьба с казенной церковью совмещалась с проповедью новой, очищенной религии, то есть нового, очищенного, утонченного яда для угнетенных масс».

[20] Толстой стремился дать «очищенную» религию, т. е. приведенную в соответствие с развивающимся знанием человека об окружающей его природе, свободную от всяких чудес, легенд и т. п., а также и от связей с государством, словом, такую религию, которая, по его словам, должна была не разъединять, а объединять всех людей.

Религия Толстого обладает основным, определяющим признаком всякой религии, т. е. в конечном итоге опирается не на знание, не на обобщенный человеческий опыт, не на науку, а на веру и, как всякая религия, закабаляет человека.

Совершенно правильно подчеркивая, что церковь во все века защищала и поддерживала эксплуататоров и что всякая религия всегда приспособлялась к их нуждам, Толстой не замечал того, что и его «чистая» религия льет воду на ту же мельницу, так как ставит «на место попов по казенной должности попов по нравственному убеждению».

Критикуя в этой же статье буржуазную науку, Толстой справедливо указывает на то, что она оторвана от народа, служит интересам хозяев

и потому многие ее завоевания способствуют еще большему закабалению трудящихся масс.

Совершенно неверно довольно распространенное представление о том, что Толстой вообще отрицал всякое значение положительных наук. Это решительно опровергается неослабевающим интересом, с которым Толстой следил за развитием математики, физики, химии, естествознания, о чем он много писал в дневниках, записных книжках и письмах.

Основная ошибка Толстого в оценке науки заключалась в том, что он не верил в возможность науки правильно объяснить окружающий мир и поэтому обращался к вере, которая с необходимостью приводила его к проповеди религии.

Толстой справедливо бичевал буржуазную науку за продажность, за демагогию и фразу, за стихию и анархию, за беспредметность в научных исследованиях, а главное – за полную ее неспособность заняться главным и первейшим делом науки – разумным устройством жизни человеческого общества.

Но Толстой не знал, не хотел знать того непреложного факта, что революционная наука, выражающая интересы и стремления класса-освободителя всех трудящихся – пролетариата, уже есть, что учение о разумном устройстве общества – научный социализм Маркса и Энгельса – дает рабочему народу подлинное руководство в жизни.

III

Статья Толстого о Шекспире при своем первом появлении в печати в 1906 г. вызвала многочисленные отклики самого разноречивого характера. Большинство критиков, конечно, резко нападало на Толстого, стараясь доказать ему, что он «не понял», «не знал» Шекспира или даже «завидовал» его славе!

Известно, что Толстой на протяжении всей своей деятельности интересовался Шекспиром, и его мнение о шекспировских пьесах было за малым исключением всегда отрицательным.

Творчество Шекспира было порождено той эпохой, когда буржуазия только что выдвигалась на арену истории и выступала носительницей прогрессивного по тому времени способа производства. Передовые деятели эпохи Возрождения, олицетворявшие, по выражению Энгельса, «идеализированный рассудок буржуазной эпохи», выступали тогда под знаменем гуманизма, борьбы за свободного человека, против схоластики, мракобесия и феодального аскетизма. Правда, буржуазия не осуществила и десятой доли тех принципов, которые были выдвинуты ее передовыми идеологами. Требование свободы она обратила в свободу наживы, торговли, эксплуатации. Лозунги гуманизма, любви к ближнему она сделала лицемерным прикрытием для компромисса с феодальным

дворянством за счет народных масс. Не случайно, что в произведениях писателей той эпохи, в том числе и в творчестве Шекспира, появляются мотивы облагораживания представителей дворянства, «добрых» рыцарей и королей.

Не вдаваясь в подробный анализ оценки Толстым творчества Шекспира, необходимо всё же остановиться на некоторых основных причинах отрицательного отношения Толстого к великому английскому драматургу, наиболее резко и полно выраженного в статье «О Шекспире и о драме».

Толстой критикует Шекспира как представителя отрицаемой им буржуазной культуры, как одного из тех писателей, в творчестве которого ярко проявилось «выделение исключительного искусства высших классов от народного искусства». Он заявляет, что причиной славы Шекспира является массовый гипноз, переходящий из поколения в поколение и начавшийся в узкой группе западных писателей, которые в свое время превозносили его творчество.

В статье о Шекспире сказались взгляды Толстого на искусство, выраженные им в трактате «Что такое искусство?». Именно с точки зрения своей христианской морали Толстой подходит к оценке поступков действующих лиц «Короля Лира» и других драм Шекспира.

Антиисторизм оценки Толстым Шекспира сказывается в том, что он рассматривает шекспировские пьесы с точки зрения тех требований, которые могли быть предъявлены к писателю в конце XIX века, а не во времена Шекспира, который создавал свои произведения в эпоху зарождения реалистического искусства.

Требую от искусства естественности, простоты, общедоступности, Толстой критикует аллегории, пышные сравнения, гиперболы и прочие художественные приемы Шекспира. В глазах Толстого – это признаки стиля «исключительного искусства высших классов». Одной из причин отрицательного отношения Толстого к Шекспиру было, видимо, и то, что художественный метод самого Толстого резко отличался от художественного метода Шекспира: если в своем творчестве Толстой стремился создать типичный образ через изображение отдельного человека в разных стадиях и проявлениях его внутренней жизни, то Шекспир лепил свои фигуры из типичных качеств многих людей, часто создавая гиперболические образы.

Критика Толстым Шекспира в значительной мере субъективна и не повлияла на отношение к великому английскому драматургу русского зрителя.

Шекспир с его воспеванием свободы и достоинства человека уже давно не нужен современному буржуазному миру, который приближается к своей окончательной гибели и культура которого находится ныне в состоянии маразма и вырождения.

Шекспир на Западе, в том числе и на его родине, в Англии, время от времени используется в наше время для прикрытия прогнившего содержания капиталистической культуры. Только в Советском Союзе, в социалистическом государстве, законном наследнике всего лучшего, что

дала история человеческой культуры, Шекспир нашел свое второе рождение.

Современный советский зритель относится с живым интересом к пьесам Шекспира и умеет выделять в них то, что созвучно нашей великой эпохе.

Произведения, входящие в 35 том, отражая общие черты позднего творчества Толстого, с несомненностью свидетельствуют о том, что, как бы резко ни звучали его противоречия, какими бы реакционными и утопичными ни были его «рецепты спасения человечества», – Толстой велик уже тем, что, «стремясь дойти до корня», на протяжении всей своей литературной деятельности непрестанно ставил самые острые вопросы общественной жизни во всей их широте и неумолимо искал на них ответа.

«Л. Толстой, – говорит Ленин, – сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе. Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества».

[21]

Н. Родионов.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Тексты, публикуемые в настоящем томе, печатаются по общепринятой орфографии, но с воспроизведением всех больших букв и особенностей правописания Толстого.

При воспроизведении текстов соблюдаются следующие правила.

Слова, не написанные явно по рассеянности, печатаются в прямых скобках.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-рый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках:

«к[отор]ый», «т[ак] к[ак]» и т. п. лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова, в процессе беглого письма, для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?].

На месте неразобранных слов ставится: [1 неразобр.] или: [2 неразобр.] и т. д., где цифры обозначают количество неразобранных слов.

На месте слова, неудобного в печати, ставится его начальная буква и число точек, равное числу выпускаемых букв.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что признает редактор важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-накрест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте и ставятся в ломаных < > скобках; но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое печатается курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного употребления); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому, печатаются в сносках (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [ ] скобках.

Пометы: *, ** в оглавлении томов, на шмуц-титулах и в тексте при номерах вариантов означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Толстого.

Иллюстрации

Фототипия с портрета Л. Н. Толстого 1903 г. между стр. IV и V.

Примечания

1

[«Хлеб и воля»]

2

[«Век разума» и «Права человека»]

3

Сведения эти взяты мною из прекрасной книги английского современного писателя Морисона Давидсона: «Предшественники Генри Джорджа» («Procurors of Henry George»). Л. Т.

4

Т. 34.

5

Т. 54, стр. 306.

6

Там же, стр. 132.

7

«Дневники С. А. Толстой 1897–1909», изд. «Север», М. 1932, стр. 196.

8

Т. 54, стр. 132.

9

Там же, стр. 311 и 312.

10

[есть письмо автора к неизвестным друзьям.]

11

В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 15, стр. 183.

12

Всеволод Иванов, «Встречи с Максимом Горьким», изд. «Молодая гвардия», М. 1947, стр. 79.

13

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, М. 1932, стр. 211.

14

Т. 59, стр. 132–133.

15

В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 15, стр. 183.

16

Там же, стр. 184.

17

Там же, т. 16, стр. 302.

18

В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 16, стр. 295.

19

В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 17, стр. 31.

20

В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 16, стр. 295.

21

В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 16, стр. 293.